

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ЮЛИЯ КЛИМОВА

*Перекрёсток
всех дорог*

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Климова, Юлия Владимировна.
К49 Перекрёсток всех дорог : [роман] / Юлия Климова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-098069-7

Если незнакомка на улице предлагает вам работу, подумайте хорошенько, стоит ли соглашаться. Но у Сашеньки Аксеновой не было выбора, и она сказала «да». Теперь все дороги поведут ее к тому, кто однажды протянул руку помощи. Но сможет ли Сашенька быть честна с этим человеком?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098069-7

© Климова Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Андрей Юрьевич Белозерцев сделал большой глоток минералки, точным движением отправил пластиковый стаканчик в мусорную корзину, взъерошил русые волосы и, постукивая колпачком ручки по столу, методично произнес:

— Марина, ничего не поделаешь — менять придется очень многое. Мы скатились на последние строчки рейтингов и бездействовать в данном случае попросту не имеем права. Грядут перемены. — Он придвинул к себе пухлую кожаную папку и вынул из нее исписанные размашистым почерком листы бумаги. — Основная работа ляжет на ваши плечи... Здесь я подробно изложил план дальнейших действий и пометил пункты, которые требуют особого контроля. Обратите внимание на пункт под номером пять — нести за него ответственность будете именно вы.

Андрей Юрьевич протянул лист Марине, откатил назад кресло и встал.

«Да, — подумал он, закладывая руки за спину, — в жизни нашего журнала начинается новый этап. Успешный. Хотя... гори оно все синим пламенем!»

ЮЛИЯ КЛИМОВА

В те недалекие времена, когда владельцем журнала «Артэль» был умный и вечно занятой Кирилл Григорьевич Фокин, проблем практически не возникало. Устойчивый спрос читателей, толковая реклама, хорошие показатели успеха, никаких случайных сотрудников и четкий, годами выработанный стиль. Белозерцев, являясь главным редактором, с удовольствием засиживался в кабинете до глубокой ночи и с не меньшим удовольствием просыпался в семь утра, приводил себя в порядок и отправлялся на работу.

Но судьба была немилосердна к Фокину, и в возрасте пятидесяти трех лет он скоропостижно скончался от болезни сердца. Его супруга, погоревав, решила лично заняться журналом и, отменив ранее принятую политику невмешательства в дела главного редактора, бросилась штурмовать неведомые вершины. Поначалу Белозерцев молчал, входя в скорбное положение вдовы, но затем терпение иссякло и он настоял на серьезном разговоре. Госпожа Фокина покивала, согласилась немного «попридержать коней» и практически тут же потребовала заменить три полосы на другие, более интересные (на ее взгляд).

Белозерцев старался быть объективным и признавал, что некоторые идеи Фокиной заслуживают одобрения, но нельзя же обрушивать на верного читателя столько новшеств сразу и совершенно ни к чему делать из информационно-развлекательного журнала исключительно развлекательный. Спрос постепенно пойдет

Перекрёсток всех дорог

на спад, а на завоевание новой аудитории уйдут долгие месяцы (и это при том, что конкурентов пруд пруди!).

Андрей Юрьевич даже подумывал уволиться, но в последний момент всегда рвал заявление об уходе на мелкие кусочки и тяжело вздыхал. Во-первых, «Артэль» — его детище. Сколько он здесь проработал? Пятнадцать лет. Во-вторых, бросать увлеченную госпожу Фокину как-то не по-мужски, да и есть еще надежда, что она перебесится... В-третьих, не хочется в сорок лет начинать все заново. Один раз в неделю он благословляет номер в печать, идет в свой любимый ресторанчик, заказывает пиво, форель и чувствует себя прекрасно... Вообще-то, так было раньше. Сейчас — пиво и форель остались, а вот привычного удовлетворения нет...

Через пять месяцев вдова действительно стала признавать свои ошибки. Но уволившихся сотрудников не вернешь, разочарованных читателей — тоже. Да и новый курс уже проложен и вновь все перечеркивать — рискованно. Оставалось только одно — плюнуть на старые обиды, встретиться и хорошенько подумать.

Два дня они исправно думали и пришли к компромиссу. Было решено:

а) ввести один новый проект, который в силу актуальности и интересности привлечет и удержит читателей;

б) постепенно вернуть старые рубрики и прекратить «разброд и шатание» как на рабочих местах, так и на страницах журнала.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Вдова также клятвенно пообещала, что больше давить не станет, займет место наблюдателя и только в самых крайних случаях (бла-бла-бла) будет настойчиво стучаться в дверь. В эти заверения Белозерцев не поверил — рано или поздно госпожа Фокина от скуки и несметного количества идей, размножающихся в ее голове со скоростью три штуки в день, вновь ворвется в его кабинет и потребует заменить одно на другое. Но пока — полгода у него есть, а после... ну что ж, он готов работать дятлом, готов двадцать четыре часа в сутки прокладывать путь к разуму госпожи Фокиной. Практика показывает — достучаться можно.

— Номер пять? — Марина с интересом пробежалась взглядом по строчкам и замерла, читая обведенный зеленым маркером текст. — Но-о... — протянула она, медленно поднимая голову. — Андрей Юрьевич, вы это серьезно?

— Никаких «но», — строго сказал Белозерцев и категорично хлопнул ладонью по столу. — Приступайте.

ГЛАВА 1

САМАЯ ОБЫКНОВЕННАЯ ЗОЛУШКА

Владимирская область

Последние четыре месяца Сашенька Аксенова пребывала на вершине счастья. Даже ворчание вечно недовольной тетки и мелкие пакости двоюродной сестрицы не могли омрачить этого необыкновенно волшебного состояния души.

У нее есть Пашка.

Пашка!

Иногда хотелось задрать голову к небу и закричать изо всех сил: «У меня есть Пашка!!!» И чтобы обязательно в ответ раздалось эхо. Звонкое и протяжное.

Ей двадцать два года, а ему — двадцать восемь. Ощутимая разница. Будто он такой взрослый-взрослый знает ответ на любой вопрос и... любит Сашеньку... ну конечно же, любит. Такое всегда чувствуется.

А она — вечная мечтательница и доверчивая натура. И на свой возраст, если честно, не тянет. Рост — метр шестьдесят, волосы темно-русые до плеч и вьются. На щеках детский румянец, да и выражение лица детское. Тут и ямочки к месту пришлись, и чуть пухлые губы,

ЮЛИЯ КЛИМОВА

и курносый нос, и брови-черточки. Вот глаза могли нарушить первое впечатление — глубокие и выразительные, но это если вглядываться, если тонуть в этих глазах...

— Саш, может, на фиг кино, пойдем ко мне, а? — прошептал Пашка в ухо, когда до окошка кассы осталось приблизительно метр.

— Не знаю... — девушка пожала плечами и покосилась в его сторону. По спине побежали колющие мурашки.

Сашенька уже давно собиралась совершить с Пашкой «это самое» и мысленно на каждый такой вопрос всегда отвечала «да», но затем привычно трусила и отчаянно мотала головой. Он же не лез с уговорами, терпеливо ждал пару-тройку дней и опять делал попытку к сближению, но согласия так и не получал.

Сашенька сама не понимала, почему тянет, — роднее и дороже Пашки у нее никого не было и не будет. И не надо. Но... «Первый раз всегда страшно... момент какой-то неподходящий... трусы в горошек... вдруг его родители вернутся из командировки на полгода раньше... вдруг, вдруг, вдруг...» — фразы в голове начинали стремительно кружиться, и отговорки наслаивались одна на другую. «Просто еще не время», — обычно утешала она себя, надеясь, что очень скоро проблема отпадет сама собой. Раз — и как в сказке! Сердце заволнуется, забьется, и с губ сорвутся совсем другие слова.

Перекрёсток всех дорог

— Ну, ладно... пойдём к тебе, — кивнула Сашенька, краснея. — Только я ненадолго, а то тетка ругаться будет.

Последнюю фразу она добавила просто так, чтобы скрыть противное смущение и собраться с мыслями.

Она согласилась, что ли?

Взяла и согласилась?

Вот и хорошо, вот и замечательно... Пашка-то давно намекает, и правильно делает — сколько можно по кафешкам да по кинотеатрам ходить. Пора начинать новую жизнь, совсем уже взрослую. Сашенька улыбнулась и кивнула ещё раз. А ведь они могли и не познакомиться, разминулись бы в этом огромном мире... Не налетела бы она четыре месяца назад на Пашку в магазине, не рассыпала бы на затёртый пол яблоки, апельсины и лимоны... и все... Кошмар!

— И чего ты свою тетку боишься? — фыркнул Пашка, сжимая руку Сашеньки. — Половина дома принадлежит тебе, и селить кого попало на твои квадратные метры она не имеет права. Факт? Факт. К тому же ты совершеннолетняя и от нее никак не зависишь, пусть дочери своей нотации читает...

— Я ее не боюсь, — сморщила нос Сашенька. — У меня родственников больше нет — только Галина Аркадьевна и Светка, ну зачем я буду отношения с ними портить... И вообще, мы же договаривались на эту тему не разговаривать.

— Извини... не удержался... Мороженого хочешь?

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Ага.

— Сейчас целый килограмм куплю!

Пашка жил в центре города в двухкомнатной квартире. Пользуясь тем, что родители пребывают в длительной командировке, он частично передвинул мебель, приобрел парочку кресел, напоминающих огромные бесформенные мешки, снимал со стен акварельные картины местных мастеров и убрал на балкон коврики. Достойная зарплата программиста и финансовая помощь родителей, поступающая на банковский счет из Новосибирска, позволили купить здоровенный жидкокристаллический телевизор серебряного цвета и DVD-плеер со всевозможными наворотами. Собственно, перед этой роскошью Пашка и проводил большую часть свободного времени. Сашенька уже дважды была в его квартире, дважды засиживалась допоздна и дважды участвовала в теткинских допросах. То есть отвечала честно на заданные вопросы и смущалась, когда Галина Аркадьевна смотрела уж слишком пристально. Но это было давно — в самом начале отношений (Пашка еще тогда не целовал так страстно и не обнимал так крепко).

— Шампанское будешь?

— Нет, спасибо, я только мороженое чуть-чуть...

Усевшись на угол дивана, неподалеку от журнального столика, Сашенька замерла, поглядывая на дверь. Сейчас Пашка принесет мороженое, они его слопают, а потом... Ага. Давно пора... Она самая счастливая на

Перекрёсток всех дорог

свете, потому что теперь никакого душевного одиночества нет. Его попросту не существует! А есть — он. Близкий и любимый человек.

Сашенька расстегнула верхнюю пуговицу кофточки, взбила волосы, выставила маленькую грудь вперед и на всякий случай пощипала и без того покрасневшие щеки (а что здесь такого? какие мысли, такие и щеки...). Именно так, по ее мнению, должна выглядеть сексапильная девушка, готовая к эротическим приключениям. Как в кино!

Процесс поедания пломбира занял буквально считанные минуты, Сашенька успела съесть только половину белоснежного кубика, как ласковые руки Пашки оказались на ее талии. Несколько поцелуев торопливой цепочкой легли на плечо, затем вторая пуговица была расстегнута, а там уж... Сашенька отставила тарелку с мороженым на журнальный столик и повернулась к любимому. Томно вздохнула и, стараясь «быть на высоте», издала не то стон, не то мычание. Пашка, посчитав этот звук окончательным и бесповоротным «да!», сунул руки под ее кофту и нащупал застежку лифчика. Парнем он был опытным и с мелкими преградами в виде замочков-молний предпочитал разбираться сразу.

Сашенька все ждала, когда же закружится голова, защемит сердце, онемеют руки, ноги... когда же бесконечное счастье, перемешанное с романтикой и любовью, заполнит ее до самой макушки?! Но вместо этого в носу настойчиво защекотало, а в животе булькнуло.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Апчхи-и-и! — звонко чихнула Сашенька в плечо Пашки.

— Будь здорова! — машинально ответил он, продолжая мучиться с застежкой лифчика.

— Спасибо... Апчхи-и-и!

— Еще раз будь здорова.

— Спасибо... Апчхи-и-и! Апчхи-и-и! Апчхи-и-и!

— Ты чего? — Пашка отстранился и нахмурился. — Простыла?

— Да нет, — замялась Сашенька, понимая, что вернуться к пылким объятиям, обещающим головокружение, сердечный трепет и томление, она уже не сможет. — Апчхи-и-и! — выдала она еще звонче и потеряла ладонью покрасневший нос.

— Аллергия? — разочарованно спросил Пашка, тоже осозная, что продолжения (увы, увy, увy) не будет. Он посмотрел на пломбир и вздохнул.

— У меня никогда ее не было... — Сашенька поймала на себе полный надежды взгляд и торопливо принялась застегивать пуговицы. Вскочив, она задела тарелку, и та спикировала на паркет. Дзынь! — Ой, извини... Как-то по-дурачки все получилось...

Она еще больше смутилась, растерялась и в дополнение к этому вновь чихнула. Ну, почему, почему так... Почему?! Это же Пашка, ее Пашка!

— Ерунда, — утешил он, улыбаясь. — А посуда вообще бьется к счастью. Ерунда.

Сашенька подняла маленький серый осколок, ко-

Перекрёсток всех дорог

торый, точно мышонок, прижался к ее тапке, и тоже улыбулась.

— Ага, ерунда, — согласилась она и добавила: — Давай я уберу.

— Не, я сам, а потом пойдем в кино — собирались же...

Пашка встал с дивана, скользнул взглядом по ладной фигурке Сашеньки и сдержал очередной вздох — с чего начали, к тому и вернулись. Эх...

* * *

Сентябрь радовал приятной ровной погодой, птичьей болтовней, яркими красками и теплыми вечерами. Если прошлая осень выдалась холодной и мрачной — ветер завывал с утра до ночи, то в этом году царил уютный покой, которого не мог нарушить даже редкий дождик. Перестукивание капель лишь добавляло музыки, а запах сырости, перемешанный с пряно-сладким ароматом цветов, заставлял глубже вдыхать воздух и замедлять шаг.

Взгляд Сашеньки то прыгал с фонаря на фонарь, то скользил по мокрому асфальту. Она держала Пашку под руку и мысленно перебирала занятные моменты только что просмотренной комедии. Нет, героиня какая-то странная, разве можно быть такой наивной? Влюбилась в прохиндея, оказалась одна в чужом городе без гроша в кармане, влипла в историю... Ну вот